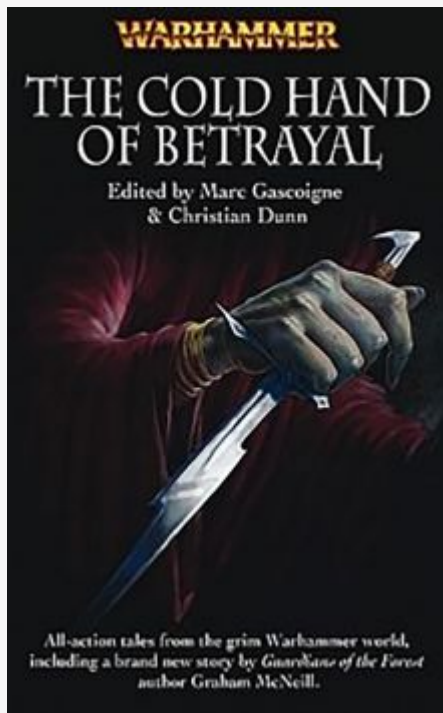

Дар демона / The Daemon's Gift (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

*Дар демона / The Daemon's Gift
(рассказ)*

Автор	Роберт Баумгартнер / Robert Baumgartner
Переводчик	соц
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Холодная рука предательства / The Cold Hand of Betrayal (сборник)
Источник	Холодная рука предательства / The Cold Hand of Betrayal (сборник)
Год издания	2006
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Аннотация: Через демона бог северян Тчар вручает своему избранному волшебный меч. Что принесет этот дар племенам

тархалов и орнингов?

— Идут, — скаля остро заточенные зубы, произнес Элфир.

Всю ночь, обильно поливая холодные камни, высящиеся над бандой, хлестал ливень. Несмотря на дождь пламя костров вздымалось высоко, и шипела, падая на горящее дерево, вода. В их свете можно было рассмотреть причудливые силуэты зверей с мощными рогами, помесей животного с человеком. Они отбрасывали неровные тени, пробегая меж камней и устремляясь вверх по склонам древнего храмового кургана к поджидавшим их орнингам.

— Подъедем и поприветствуем их, — предложил Ходжин. В серебристом доспехе, поблескивающем даже под дождем, он выглядел великолепно. — Мугин, дай сигнал к атаке.

Взвыл костяной свисток, и от пронзительного и резкого звука у Элфира заболела голова. Воин пустил коня вниз по склону, скача вслед за Ходжином, в пасть надвигающимся зверолюдом. Поначалу натиск северян ошеломил врага, но совсем скоро их обступили со всех сторон. Костры угасали, ревели кровожадные твари, и тьма сгущалась вокруг воинов.

Вопли умирающих звенели в ушах Элфира, и он воззвал к своему богу:

— Тчар. Тчар. Для тебя души и кровь. Души и кровь для Старца кургана!

Ходжин громко взревел:

— Тчар! В час нужды заклинаю тебя, ниспошли мне Пламень превращения!

И тогда на смуглой коже Ходжина и на его серебристых доспехах раскрылись золотые уста. Они затянули диковинную песню на незнакомом Элфиру языке, и из них заструилось золотистое пламя. Оно проливалось на землю вокруг Ходжина и высоко поднималось над сражающимися людьми. Сила зверей, казалось, таяла в этом пламени, и банда воспрянула духом. Забыв об осторожности, дева-воительница Улла с громким смехом бросилась обнимать Ходжина.

Вокруг Элфира погибали люди, и в тот момент он ощутил на себе взор Тчара и принялся убивать зверей одного за другим. Человеческая и зверолюдская кровь смешивалась на кургане, и души тех и других сияли под кожей голубым светом. Краем глаза Элфир заметил, что меж павших двигался темный силуэт с безумными синими глазами, и, прежде чем душа покидала мертвое тело, он припадал к нему и грыз его плоть. Демон ходит среди нас, подумал Элфир.

Снова завыл костяной свисток, и Элфир вздрогнул от боли. С вершины кургана мчались тархалские всадники Ходжина, равнинные жители восточных степей обрушились на зверей, и Китса, возлюбленная Элфира скакала во главе, ее черные волосы развевались, словно знамя. Воины врезались в зверолюдов, рассеяли их, давили лошадьми меж камней. Когда померкло золотое пламя, и темнота опустилась на поле боя, тархалы победно взревели.

Три дня спустя банда собралась возле входа в огромную пещеру под высокими утесами. Въезд им перегородила сложенная кое-как стена из веток и костей, украшенная рваными золотисто-синими стягами. На ней были развешаны мертвецы, и их светлые волосы развевались вместе с тканью на холодном ветру, который гнал запах разложения к знаменам банды. В вышине, в чистом голубом небе парили орлы. Элфиру неудобно было сидеть на чужом коне, и он сжимался всякий раз, как его серый

пятился от стены, высоко поднимая копыта из чавкающей дорожной грязи. Воин силился понять, что случилось с его домом.

— Элфир, — обратился к нему Ходжин. — Когда мы оставили южный край и, следуя зову богов, отправились в Мидденхейм, у меня и моих родичей не было ни земли, ни хозяев. Ты позвал нас за собой на север, суля обширные надель и мирный кров, в котором мы могли бы собраться с силами и снова отправиться на юг. Мы назвали друг друга братьями, и я отдал за тебя свою сестру Китсу. Но знай, что ждет нас здесь, я никогда бы не привел сюда своих людей.

Мужчины отвернули коней от стены к ожидающей их банде. Люди двух племен сидели верхом вокруг своих знамен, под тенью тархалских повозок. Сзади к телегам цепями были прикованы рабы, мужчины и женщины с голыми, окровавленными ногами, жалко съезжившись, они сидели на голой земле.

— Тархалы! — воскликнул Ходжин. — Слушайте! Элфир привел нас сюда, и сам Тчар благословил его путь! Пусть эти владения выглядят мрачно, но здесь у его отца, Орна, мы найдем пристанище на зиму и снова соберемся с силами!

Вся ватага тархалских всадников, молодых мужей, с раскосыми глазами и широкими лицами, запрокинув головы, одобрительно заулюлюкала. Эти степняки с востока носили черные бороды и смазывали черные волосы жиром, на их голых плечах висели красные плащи. Угрюмые и бледные орнинги напротив были светловолосы и кутались в меха; они сидели молча и с тревогой думали о долгожданном приюте.

Проехав через проем в стене, банда попала в город. До них доносились странные вскрики, эхом скачущие меж длинных домов, и они становились все мрачнее. Балки в стенах строений причудливо скручивались, на покрывающем крыши гонте^[1] проступали размытые лица. Проезжая по пустым улицам, Ходжин вглядывался в нацарапанные на деревянных стенах руны.

— Здесь творилось могучее колдовство, — сказал он Элфиру. — Но я не могу решить, хорошо это или плохо. Похоже, эти знаки направляют чистую мощь богов прямо в город. Но зачем?

Донесся крик тархалских разведчиков, и к Ходжину подскакал всадник.

— Вождь, в городе все еще есть люди! Но они безумны и странно ведут себя, и на их телах знаки прикосновения богов.

— Где? — спросил тот.

— Они говорили с вами? — добавил Элфир. — Был ли среди них человек с крыльями?

— Такого мы не видели, — ответил разведчик. — Они были полностью наги и носили только лохмотья — даже их женщины. Они стояли на крышах длинных домов и произносили слова, которых мы не понимали. Мы испугались их и убежали!

— Бату, пёс! — воскликнул Ходжин. — Веди нас к ним!

С этими словами он погнал Бату перед собой, побивая того плоской стороной клинка. Когда они добрались до остальных разведчиков, то пустились галопом по грязным улицам города. Элфир, не привыкший сидеть в седле, едва поспевал за ними.

— Ходжин! — закричал он, сообразив, куда они направлялись. — Будь осторожен! Мы приближаемся к реке и полям мертвых!

Тархалы остановили гремящих копытами лошадей перед узким мостиком над темной и быстрой рекой. Когда Элфир управился со своим конем и остановился подле них, он увидел, как на другой стороне реки мужчины и женщины, в которых он признал своих родичей, уходили все глубже в лес костей. Повсюду на полях были расставлены колья, возле которых стояли привязанные мертвецы, раздетые в яркие платья и доспехи — вожди его племени. Родичи Элфира двигались будто бы в забытьи, блуждали среди костей и распевали песни высокими и странными голосами.

Из-за спин сидящих в безмолвии всадников послышался грубый, скрипучий голос:

— Оставьте их, боги забрали их разум.

Элфир смотрел на сидящего на троне отца — тот был в капюшоне и маске, закутанный в роскошное платье, которое скрывало все его тело — и размышлял о том, что могло произойти. Отец рассказывал Ходжину о рунах, которые начертал на стенах длинных домов.

— Посредством этих рун и божественной бури я привязал себя к этому городу, — произнес Орн. — Покуда стоит он, буду жить и я.

— Но, Орн, — спросил Ходжин. — Что произошло с твоими родичами?

— Мощь ритуала была слишком велика, — ответил тот. — Буря разрушила их разум. Остался я один, но теперь вы будете моим народом. Орнинги и тархалы соединятся, и мой город снова закипит жизнью. Ходжин, возьми деву из орнингов и сделай ее своей женой. Элфир, женись на деве из тархалов. Я слышал, что ты уже выбрал себе невесту.

На следующий день, пока племена пировали, Элфир сидел в оцепенении. Он вспоминал свадебную церемонию, прошедшую этим утром. Ее освятили принесением девяти даров Тчару, и последний, самый важный из них находился совсем рядом: за столом были усажены тела мужчин, омытые и раздетые в пышные наряды, и перед ними стояли обильные яства и мед.

— Когда соединятся ваши руки над этим огнем, — нараспев произносил Орн, и Улла с Ходжином и Элфир с Китсой стояли перед ним. — Вспомните клятвы друг другу, произнесенные и заключенные пред этим троном и священным пламенем Тчара.

Внезапная тишина вырвала Элфира из грез. Через залу шагал высокий, молодой мужчина с горящими синими глазами, в сером плаще и с обнаженным мечом.

— Орн! — выкрикнул мечник. — Орн! Я пришел за тобой!

Ни один из присутствующих не решался преградить ему путь, и незнакомец гордо прошествовал к высокому трону. В последний момент Элфир прыгнул к нему, но был отброшен в сторону. Орн молча встал, и мечник сорвал с него одежды, обнажив бледную, дряблую кожу и уродливые обрубки в тех местах, где Элфир когда-то видел два крыла.

— Тчар отвернулся от тебя, и настал судный час! — сказал воин и обернулся к изумленным людям. — Сей дар вручаю тому, кто сможет взять его. — С этими словами он вонзил меч в грудь Орна и оставил

его там.

Когда воин зашагал прочь, члены племени повскакивали с мест, чтобы зарезать его, но при виде изменения, охватившего Орна, с ужасом и изумлением встали на месте. Плоть вождя стала скручиваться и извиваться, кости и мышцы выдавливались из-под натянутой и рвущейся кожи. Ордн упал на четвереньки и с жалобными стенаниями принялся ползать по зале.

— Этот меч — дар бога, — произнес Ходжин. — Все вы, назад, я сам заберу его у этого отродья.

Но, стоило ему приблизиться, Ордн внезапно забился и, взмахнув передними лапами, повалил Ходжина на пол. Тархалы бросились помогать своему избранному, но никто не осмеливался взять меч, пока не подошел Элфир.

При его появлении отродье затихло. Воин шагнул к нему и положил ладонь на рукоять. Краем глаза он заметил невысокую темную фигуру, которая со злобным ликованием наблюдала за происходящим. И меч как будто сам прыгнул ему в руку.

— Как? — с досадой выпалил Ходжин. — Впрочем, говорят, что оборотень всегда узнаёт себе подобного.

Изменённое создание задрожало, из неестественно широко разверстого рта на обвислом лице донеслось бормотание и бляение, полился нескончаемый поток звуков, переросший в пронзительный визг. Отродье побилось через двери большого дома и, завывая, бежало прочь во тьму города.

— Элфир, что ты хочешь за этот меч? — властно спросил Ходжин. — Я заплачу, что бы то ни было. Хочешь золото? Рабов? Коней? Воинов для своей банды?

— То, что я хочу, у меня есть, — отвечал тот.

— На все воля Тчара, — фыркнул Ходжин и, хромая, направился к трону.

Раны его перевязали, поставили перед ним кубок, но он все не сводил глаз с Элфира. Когда к Ходжину подошла Улла и заключила того в объятия и весело шептала ему на ухо, избранный только рассеянно гладил ее золотистые волосы, и глаза его оставались холодны.

Воины обоих племен собрались вокруг Элфира и Китсы, чтобы полюбоваться мечом и погадать о том, откуда он взялся.

— Выкован демоном, — говорил один долговязый тархал.

— Ага, — подтвердил орнинг с ужасными шрамами. — Клинок из древних саг.

— С этим мечом в руке я напишу собственную сагу, — объявил Элфир.

— Достанься мне такой клинок, я ни за что не продам бы его, — заметил Мугин, — но отказать избранному — верный путь к гибели.

— С таким мечом, — возразил Элфир, — я могу говорить что угодно и кому угодно. Пойдём, Китса, старухи уже приготовили нам старый дом возле реки.

— Сначала дай мне проститься с Ходжином и Уллой, — ответила та.

Пока она шла через залу к высокому трону, Ходжин не отводил от нее взор. Когда она приблизилась к

нему, то сказала Ходжину и Улле, что они с Элфиром уходят.

— Так рано? — рассмеялась Улла. — Теперь вы женаты и можете делать это, когда захотите. К чему спешить?

Китса зарделась и хихикнула. Ходжин попросил Уллу оставить их ненадолго, и, после того, как та ушла попрощаться с Элфиром и принести меда, повернулся к сестре и обеспокоенно шепнул ей:

— Китса, ты должна уговорить Элфира отдать мне этот меч!

— Ходжин, — отвечала та, — он ни за что не согласится.

— Ты хочешь стать вдовой?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что в одном доме не может быть двух хозяев, а в одном племени — двух вождей. Тот меч — знак особого расположения Тчара. Если мне суждено вести этих людей, я должен заполучить его, а, если Элфир не отдаст, мне придется взять его силой, а ему — умереть.

— Ходжин, нет, я поклялась ему в верности.

— Да, — возражал избранный, — но ты тархалка и связана со мной кровью и племенным родством. Я тоже дал клятву, но он чужак и уже отказал мне. Сегодня ночью ты должна убить его и принести мне меч. Если ты не сделаешь этого, меж нами — мной и Элфиром — вспыхнет вражда, и от пролитой крови рук тебе не отмыть.

— Ходжин, я не могу.

— Ты должна.

С печальным лицом девушка присоединилась к стоящему у выхода Элфиру.

— Китса, не гляди так весело, — сказал тот. — Не то другие девушки будут завидовать.

Китса расплакалась.

Старухи племени факелами освещали им путь до приготовленного дома, они продолжали распевать непристойные песни, пока супруги не прошли под низкой притолокой внутрь. Когда их оставили одних, и огонь в очаге почти потух, Китса оставалась безутешной, и Элфир не знал, как ему поступить. Они уснули порознь. Он отдал ей постель, а сам лег на скамье возле огня.

Китса проснулась среди ночи. Она тихо спустилась с ложа и встала над спящим Элфиром. Увядающее пламя блеснуло на стальном клинке в ее левой руке. Она занесла кинжал, отпрянула, затем подняла его снова. Наконец с дрожью убрала оружие и принялась шагать подле своего возлюбленного. Когда она услышала резкий шепот возле входа в дом, в очаге остались одни лишь угли. Китса заметила, как вздрогнул Элфир, и с испугом схватила меч, который тот вечером оставил рядом с собой.

Девушка подошла к выходу и положила руку на засов. Когда она отперла дверь, то обнаружила за ней Ходжина и множество тархалов с факелами.

— Ходжин, что ты делаешь? — спросила она.

— То, что испугалась сделать ты.

— Нет. Вот меч, бери его и уходи.

В то же мгновение проснулся Элфир. Он увидел, как его меч передают через дверь, и вскочил на ноги.

— Китса, нет! — вскричал он. Схватив ее за черные волосы, он отшвырнул ее от двери, и та ударилась головой об угол кровати и более не шевелилась.

Увидев, как Китсу оттаскивают от двери, Ходжин взвыл:

— Верни мне сестру, орнинг!

— А ты верни мне меч, вор! — возразил Элфир.

Он услышал, как Ходжин разговаривает со своими родичами на тархалском языке. Что было сказано, он не разобрал, но спустя мгновение проход накрыла тень, и под низкой притолокой, согнувшись, прошел один из тархалов. На секунду человек оказался уязвим, и Элфир свалил того на пол, с силой обрушив кулак на его затылок. Затем он проворно выхватил у него меч и с криком: "Ходжин, эта смерть — Тчару!" заколол его.

Только Элфир это произнес, в доме стало темно, и он ощутил чье-то присутствие. В самом далеком от огня углу появилась невысокая фигура. Воин заметил блеск глаз и услышал шепот — едва слышное и зловеще ликующее дребезжание.

В низкую дверь вломилась еще люди. В спешке они мешали друг другу, и под ударами меча Элфира пало еще четверо. Тень в углу стала больше и отчетливее, шепот был все громче.

Враги попробовали войти снова, и Элфир зарезал еще троих. Его почти уже задавили числом, но тархалы вдруг развернулись и в страхе бежали. Воин свалил последнего и выкрикнул Ходжину:

— Девять даров Тчару!

В ответ через распахнутую дверь полетели факелы. Загорелось ложе. Элфир подбежал к Китсе и, припав к ее телу, заключил его в объятия.

Он ощутил, что сбоку кто-то стоит и повернул голову. Над поверженными тархалами скрючился, скаля окровавленные клыки, раздетый худощавый мужчина. Элфир вдруг увидел, что стоявшая ранее в углу тень на время обрела форму в теле незнакомца, и понял, что это демон пришел пожрать души погибших.

— Кто ты? — спросил он.

— Порой меня называют Йормунреккром, Бичом Орна.

— Это ты был тогда, на кургане и в доме отца?

— Да.

Огонь взметнулся выше, и демон расхохотался.

Элфир затряс Китсу, пытаясь ее разбудить, но та не шевелилась. Тогда он ощупал ее затылок и обнаружил кровь.

— Нет, — протянул он. — Нет. Нет. Нет!

— Да! — засмеялся Йормунрекк, растворяясь в тени и исчезая. — Ты глупец, Элфир.

Горели стены. Воин видел, что у двери толпятся тархалы и ждут, когда дым и огонь выгонят его наружу, и будет возможность убить его. Элфир подтащил скамью, на которой спал, к очагу и взял стоящий возле него топор. С помощью скамьи он залез на каминную полку и встал на ней во весь рост. Задержав дыхание, чтобы не наглотаться дыма, он нанес несколько ударов по потолку возле трубы, в отчаянии пытаясь прорубить путь наверх.

Ему удалось сделать дыру на крышу, и с нее на улицу посыпался гонт. Камень, из которого была сделана полка, сильно нагрелся, и Элфир попытался пролезть через проделанное им отверстие. Он сумел высунуть только голову и одну руку и застрял. Пламя внутри дома разгоралось все сильнее, и Элфир почувствовал, что на нем загорелась одежда. В паническом ужасе он вырвался наружу и, охваченный огнем, прыгнул на крышу стоящего рядом дома.

Он бежал по крыше пустующего здания. Плащ и рубаха горели, от пламени на половине его лица кожа стала багровой, закрылся один глаз. Под собой он слышал родичей Ходжина; топот их ног по грязи переулков и звяканье доспехов не отставали от него. В отчаянии он перепрыгнул на другую крышу, потерял равновесие и больно ударился о гонт.

С трудом поднявшись, он побежал снова. Отовсюду вокруг него доносились окрики и звуки карабкающихся людей. Боль оставила в нем место лишь для одной мысли. "К реке", — выдыхал он через обожженные губы и бежал дальше.

На крышу взлетела Улла и, перегородив ему дорогу, закричала:

— Элфир! Китса мертва! Остановись и уплати долг крови!

Она стояла у него на пути с мечом в руке, но боль от ожогов слепо гнала его вперед. В последнее мгновение он заметил оружие и бросился в сторону. Увертываясь от удара, он врезался в нее и на полной скорости сбил с ног. На миг они повисли в темноте, объятые пламенем, словно демоны, и затем внезапно пропали, обрушившись в черные, ледяные воды реки, которая текла меж домами живых орнингов и могилами их отцов.

Когда голова Элфира наконец показалась над бурлящей поверхностью, воин обнаружил, что он не один, и что-то под черными водами реки прицепилось к нему. От страха завыл, затерявшись на миг в детских сказках о существах с цепкими лапами, которые населяют эту реку. Но боль от ожогов заставила его вспомнить побег от Ходжина, и как Улла встала у него на пути, и он понял, что должен сделать.

Совсем неглубоко у поверхности воды Элфир обнаружил шелковистые волосы сестры, он обмотал их вокруг пальцев и погрузил ее голову под воду. Улла хваталась за него и царапала лицо. Он не знал, как долго продержал ее там, в черноте, прежде чем она затихла, и он смог выскользнуть из ее хватки.

Когда она ушла от него в темноту, он увидел, как колдовские огни, поднимающиеся к ним из глубины, освещают ужас на ее лице. В панике Элфир замолотил руками по воде и поплыл к суше. Выбравшись из черной воды, он очутился на другом берегу реки среди костей, разбросанных вокруг могил.

Воин пополз прочь. Он был наг и покрыт ожогами, вода забрала большую часть одежды, которую пощадил огонь. Его трясло от холода, не было сил подняться. Элфир понимал, что умирает. Впереди он увидел костер из горящих между могил костей и пополз к нему.

Добравшись до огня, он, не в силах двигаться дальше, просто улегся на спину и тяжело дышал. Когда он оглянулся, то узнал вокруг себя искаженные гримасы орнингов, которых свел с ума ритуал его отца. Те глядели на него, и среди них увидел он синие, словно лед, глаза убийцы его отца.

— Ты *слаб*, Элфир, — произнес Йормунрекк, — слаб и глуп. А еще ты умираешь. Всё сходится. Последний из слабого рода.

— Мы не слабы ни в чем, — прохрипел Элфир. — От века мы совершали обряды, и от века в наших землях произносили слова Тчара и делились пищей с орлами. В чем мы оказались слабы?

— Когда разразилась буря, и вышние силы призвали северян расколоть этот мир, орнинги предали своих повелителей. Где был Орн, когда армии богов встретились возле города южан?

— Я был там! — воскликнул Элфир. — Я вел воинов на город Волка во славу Тчара!

— Избранным был не ты. До этого часа ты жил вне взора богов. Разве ты мог занять место своего отца? И все же он отправил тебя на юг умирать. Он услышал шепот в море душ, голоса сулили твоему отцу вечную жизнь, если ему удастся покорить своей воле силу бури. Тогда как Тчар обещал ему лишь гибель на стенах Вольфбурга. Он сделал выбор, и бессмертие он получит — среди отродий.

— Почему Тчар хотел смерти моему отцу? Отчего Орел убивает своего избранного?

Глаза Йормунрекка сверкнули.

— Загляни в пламя, Элфир.

Воин с болью повернулся к костру. Огонь рос, пока на миг не затмил собой все, и тогда Элфир узрел пса, гончую размером с гору, без усталости мчащую по полю мертвых тел, всё ближе и ближе. После увидел он ворона-трупоеда, гниющую тварь, выше длинного дома, копающуюся в могиле этого мира в поисках человеческого мяса. Последним предстал перед ним змей, извивающийся кольцами в пучине моря, который поднимался вверх, чтобы пожрать сушу. В ужасе отпрянул Элфир от увиденного.

— Теперь ты знаешь, — промолвил Йормунрекк. — Против этих Орел возвышает своих избранных и назначает им жить или умереть, в зависимости от своих целей.

— На том кургане и в горящем доме ты являлся за моими подношениями, — сказал Элфир. — Дай мне шанс вернуть расположение Тчара. Дай послужить Орлу еще раз.

— Готов ли ты хранить веру, которую отверг твой отец? — потребовал ответа Йормунрекк. — Сможешь ли ты?

— Я готов. Только надели меня силой.

— Твой отец страшился смерти. Покажи, что ты не таков. Перед тобой костер, и боль ожогов ты успел познать. Если хочешь стать избранным, войди в него.

Элфир попытался подняться на ноги.

— Я слишком слаб, чтобы стоять.

— Так ползи.

— Я погибну.

— Тчар не обещает избранным долгой жизни.

Элфир с трудом встал на колени и ощутил, как растягивается и трескается обожженная кожа. Воина повело, он еле держался, с губ сорвался слабый стон. Элфир смолк, закрыл глаза и затем упал прямо в костер.

Огонь охватил его волосы. Из рта вырвался вопль. Боль ожогов вернулась стократно. — Тчар! Тчар! — воззвал он, и тогда пламя омыло его кожу прохладной водой. Открыв глаза, он увидел, что огонь был синего цвета. Элфир оглянулся в поисках Йормунреккра и заметил нечто громадное с множеством синих глаз, что горели, словно звезды.

На Элфира навалилась ужасная усталость, и он спокойно лег на землю, посмотрел на своих безумных родичей и обнаружил, что те стоят вокруг него в почтительном молчании, и сквозь завесу плоти мерцают их души. Еще ему чудилось, что на головах у них были венцы из пламени. И венцы эти искажались и меняли цвета. Словно неземные цветы, на головах его родичей распускались ужасы Тчара. Элфир крепко уснул.

Проснулся он исполненный новой силы. Проворно вскочил на ноги, дивясь новой коже с золотистыми пятнами, что выросла на нем во сне взамен обожженной, ощущая новую крепость рук и ног и ширину плеч. Он поднял синие лохмотья из валяющегося на кладбище мусора и повязал их вокруг пояса, как килт^[2].

Неподалеку он заметил родичей, плясавших у костра, и узнал, кто они на самом деле, они были одержимы, благословлены на время спутниками из числа детей крайнего севера, демонов Хаоса.

Элфир приблизился к огню, и те разошлись в стороны, чтобы рассмотреть его. Теперь воин видел и демонов, и души своих братьев, а также их общую плоть. И тогда демоны стали проявляться через надетые на них тела: у тех вырастали когти и щупальца, открывались новые глаза и рты.

Элфир остановился у костра, изготовил себе факел из кости и тряпья и зажег его. Воздев его на собой, он воззвал к одержимым:

— Услышьте меня, родичи. Услышьте меня, и вы, Сияющие, Благословенные. Вы бродите здесь, будто заблудшие. Теперь же войдите в дома моего народа, ибо я приглашаю вас. Прежде вы довольствовались подношениями, но теперь будет алая кровь и огонь, и стены этого мира истончатся.

Он повернулся и твердым шагом направился обратно в город орнингов. Словно мотыльки, летящие к пламени, за ним потянулись благословленные.

Элфир перешел узкий мосток над бурной рекой, и на миг ему почудилось, что он увидел искаженную фигуру отца, скачущую по дорожкам меж длинных домов. Лишь на секунду он остановился, затем поджег ближайшее строение. Благословленные устраивали безумные танцы вокруг пламени и делали факелы из мусора, лежащего на безмолвных улицах. Неестественные, пронзительные голоса затянули песнь, которую Элфир почти смог разобрать, затем одержимые разошлись в стороны и помчались, сломя голову, по улицам.

Огонь распространялся быстро. Стоило ему перепрыгнуть на новый дом, тут же занимались балки и гонт, и всегда пламя шло по пятам за Элфиром и его родичами. Тархалы и оставшиеся орнинги

спасались из горящих домов, но их валили на землю и забивали, либо бросали обратно в огонь. По улицам катился дым, смешанный с вонью горячей плоти. И, когда Элфир наконец добрался до большого дома Орна, он почти ничего не слышал от рева пламени и воплей умирающих.

Ходжин стоял у распахнутых дверей в одиночку, а последние из его народа выбегали наружу, чтобы сгинуть в когтях одержимых. На крыше ревели языки пламени, и потолочные балки обрушивались внутрь дома. Благословленные скакали вокруг Ходжина, дразня его писклявыми голосами.

На серебристом доспехе воина отражалось пламя, отчего казалось, будто сам он охвачен огнем. В руке у него был меч Бич Орна.

Одержимые расступились, чтобы дать дорогу Элфиру.

— Тчар отвернулся от тебя, Ходжин из тархалов, — выкрикнул тот, — и жизнь твоя подошла к концу. Ты предал меня, но не смог убить, и я вырвался из горящего дома. Теперь я вернулся из тьмы, чтобы забрать свой меч.

— Если на то будет воля Тчара, — ответил Ходжин. — Но я никогда не покорюсь тебе, и, быть может, поквитаюсь за свою сестру и невесту. Умри!

С его простертой руки слетело красное пламя, и оно в мгновение ока поглотило Элфира, затем рассеялось, не оставив на том ни следа.

Элфир рассмеялся.

— Никакое твоё пламя больше не сможет мне навредить.

Он прыгнул на Ходжина и, когда тот замахнулся на него мечом, схватил его за запястье. Дважды он ударил его в нагрудник и сломал ребра. Ходжин пал на колени и пополз от Элфира, лоя ртом воздух и силясь сорвать с себя поврежденный доспех.

Элфир поднял меч, и тогда, несмотря на пожар, вокруг него сгустилась тьма. Он слышал, как голоса демонов зовут Орна, его отца, и знал, что тех нужно насытить. Воспользовавшись мечом, как проводником силы, он воззвал к отцу, понуждая того выйти из полыхающего города и повиноваться клинку, который превратил его в отродье.

И тот явился. Переваливаясь с лапы на лапу, он вышел из огня, пал на Ходжина и стал пожирать его.

В горящем дверном проеме большой залы замерла тень, глазами, синими, словно лед, она наблюдала за происходящим. Элфир увидел, как одержимые собрались вокруг жующего Орна и с воем потащили его обратно в огонь.

Затем он услышал насмешливый голос Йормунреккра:

— Готовьте скамьи, разливайте мед, ибо в Чертог демонов идет герой.

1. Гонт (польск. gont) — один из видов деревянной черепицы, кровельный материал в виде небольших дощечек, имеющих клинообразное сечение
2. Килт (англ. kilt) — короткая юбка в складку или плед вокруг бёдер — национальная одежда мужчин в Шотландии

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Дар_демона_/_The_Daemon%27s_Gift_\(рассказ\)&oldid=21119](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Дар_демона_/_The_Daemon%27s_Gift_(рассказ)&oldid=21119)

Эта страница в последний раз была отредактирована 10 сентября 2022 в 18:42.